

Замуж за демоном

Леонор Калиани

Замуж за демоном по контракту

«Автор»

2026

Калиани Л.

Замуж за демоном по контракту / Л. Калиани — «Автор», 2026

Лия думала, что её крепость — это университет, её оружие — знания, а её щит — холодная рассудочность. Она годами училась не показывать страх, прятать одиночество и просчитывать каждый шаг. Но в один обычный вечер, когда фонари на улице мигали, будто предупреждая об опасности, прошлое настигло её. Без криков, без пафосных угроз — просто воздух стал густым, время замерло, и реальность рассыпалась на осколки. А когда Лия очнулась, вокруг был не её город, а чужой, ледяной мир: тронный зал с колоннами до самого неба, факелы, горящие странным тёмнобордовым пламенем, и мужчина в тяжёлых доспехах, чей взгляд проникал глубже любой боли. «Договор исполнен», — спокойно произнёс он. Но Лия не из тех, кто ломается. Вместо мольбы о пощаде она выбирает расчёт. Вместо побега — изучение врага. Она не собирается быть разменной монетой. Между ними вспыхивает напряжённое притяжение — не любовь, не ненависть, а что-то гораздо более опасное. И тонкая искрящаяся линия договора между ними начинает дрожать

© Калиани Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Леонор Калиани

Замуж за демоном по контракту

Глава 1

С самого детства Лия знала: её существование — это долг, который рано или поздно придётся отдать. Родственники, когда-то жаждавшие богатства и власти, продали её будущее в обмен на мимолётные блага, даже не задумываясь, какой ценой придётся расплачиваться. Годы Лия училась быть незаметной, прятать страх за холодной рассудительностью, а одиночество превращать в силу. Университет стал её крепостью, знания — оружием, а привычка всё анализировать — единственным способом не сойти с ума от ощущения, что за ней следят.

В тот вечер всё шло как обычно: лекция, библиотека, потом короткий путь по тёмным улицам до общежития. Фонари мигали, будто собирались погаснуть навсегда. Лия уже почти дошла до подъезда, когда воздух вдруг стал густым, как перед грозой, только без ветра — будто сама тишина стала тяжелее. Она успела лишь обернуться, и мир рассыпался на осколки света и тени.

Когда Лия пришла в себя, вокруг был не её город, а чужой, холодный мир. Она лежала на каменном полу в зале с высокими колоннами, где пламя факелов горело не жёлтым, а тёмнобордовым, почти чёрным огнём. Над ней склонился высокий мужчина в тяжёлых доспехах, украшенных резными узорами. Его лицо было наполовину скрыто тенью, но глаза — пронзительные, нечеловечески яркие — смотрели так, будто видели не только её тело, но и все её страхи, все её планы, все её надежды.

— Наконецто, — произнёс он спокойно, без торжества, скорее с усталым облегчением. — Договор исполнен.

Лия не стала кричать. Не стала умолять. Она медленно села, ощущая холод камня сквозь тонкую ткань куртки, и посмотрела прямо на него.

— Кто ты? — спросила она, и голос её не дрогнул.

— Тот, кому тебя обещали, — ответил он. — Но я не собираюсь ломать тебя. Мне нужна не покорность. Мне нужно, чтобы ты поняла: здесь другие правила. И если ты хочешь выжить, забудь всё, чему тебя учили.

Он не нависал над ней, не угрожал. Он просто стоял, будто замер в моменте выбора — и в этом было страшнее любой ярости. Между ними, едва заметная, мерцала тонкая линия, похожая на разряд молнии. Она пульсировала, как живое существо, и Лия вдруг поняла: это и есть договор. Связь, которую нельзя разорвать простым словом.

— Я не вещь, — тихо сказала она. — И не плата.

— Ты и то, и другое, — спокойно ответил он. — По крайней мере, на бумаге. Но бумага может ошибаться.

Лия встала, не отводя взгляда. Её руки чуть сжались, но не от страха — от готовности принять любой исход. В этом зале, среди теней и чужого огня, она вдруг почувствовала странную ясность: бежать сейчас бессмысленно. Сначала нужно понять, с кем она связана этим договором, и как его можно переиграть.

Она огляделась: высокие своды, колонны, тяжёлые драпировки, запах старого камня и чего-то ещё — пряного, чужого, будто из другого мира. И в самом центре этого чужого величия Лия ощутила не только угрозу, но и возможность: если здесь действуют другие правила, значит, можно найти в них лазейку. А если в этих правилах есть слабость, она её найдёт.

— Хорошо, — сказала она, чуть наклонив голову, словно заключая новую сделку. — Расскажи мне, что я должна знать. И не лги. Я всё равно пойму.

Мужчина едва заметно усмехнулся — так, будто впервые увидел что-то, что его понастоящему заинтересовало.

— Ты опаснее, чем обещали, — произнёс он. — Это... неожиданно.

И в тот момент тонкая искрящаяся линия между ними чуть дрогнула, будто сама реальность прислушалась к их словам.

Тишина в тронном зале стояла такая, что было слышно, как потрескивают факелы. Лия стояла между двумя мирами: позади — чужой, холодный, но честный; впереди — те, кто называл себя семьёй и всю жизнь лгал ей в лицо.

Дядя первым нарушил молчание. Он выпрямился, расправил плечи и надел привычную маску благородного негодования — ту самую, которую Лия видела сотни раз: на семейных ужинах, на похоронах матери, в разговорах с адвокатами.

— Ты не понимаешь, что делаешь, — произнёс он размеренно, почти отечески. — Этот... человек — он тобой играет. Ты для него — инструмент, не больше. А мы — твоя кровь. Единственные, кто понастоящему заботился о тебе все эти годы.

Лия медленно повернулась к нему. Её лицо было спокойным, но за этим спокойствием клокотало такое, от чего даже факелы, казалось, горели ярче.

— Заботился? — переспросила она тихо. — Когда именно? Когда забрал мамин дом? Когда продал её вещи через месяц после похорон? Когда запрещал мне спрашивать о том, как она умерла? Или когда подписал вот это? — она кивнула на свиток, всё ещё лежавший на столе. — Расскажи мне ещё про заботу, дядя. Мне интересно послушать.

Он побледнел, но быстро взял себя в руки.

— Ты была ребёнком. Мы делали то, что лучше для всех.

— Для всех, — повторила Лия, и в её голосе зазвенел лёд. — Кроме меня. И кроме мамы.

Тётя шагнула вперёд, ломая руки, — жест, который Лия помнила с детства. Так тётя делала, когда хотела казаться беззащитной, но на самом деле готовила удар.

— Лия, милая, мы тоже потеряли сестру. Мы тоже страдали. Ты думаешь, нам легко было принимать такие решения?

— Нет, не думаю, что вам было легко, — ответила Лия, глядя тёте прямо в глаза. — Я думаю, вам было страшно. Но не за меня. За себя. Потому что без мамы вы остались ни с чем, и договор был единственным способом сохранить то, что у вас было. Мама это знала. И именно поэтому она подписала его сама — чтобы вы не получили ни власти, ни влияния через меня.

Тётя отшатнулась, будто от пощёчины. Дядя стиснул зубы так, что на скулах проступили желваки.

— Ты не знаешь, о чём говоришь, — процедил он. — Она была больна. Она не понимала, что делает. Мы пытались её остановить, но она не слушала. А потом... стало слишком поздно.

— Слишком поздно для чего? — Лия сделала шаг вперёд, и тётя инстинктивно отступила. — Для неё или для вас?

Нотариус, стоявший в стороне, нервно переступил с ноги на ногу и кашлянул.

— Я... могу объяснить, — начал он, но дядя резко обернулся к нему.

— Молчи. Ни слова.

Лия посмотрела на нотариуса, потом на дядю, и кусочки мозаики вдруг сложились в единую картину.

— Он тоже замешан, — сказала она, кивнув на нотариуса. — Не так ли? Он не просто заверял подпись. Он был тем, кто нашёл покупателя. Кто предложил сделку. Кто убедил вас, что это... выгодно.

Дядя молчал, но его молчание было красноречивее любого признания. Тётя отвернулась, не в силах выдержать взгляд Лии.

Нотариус побледнел и попятился к двери.

— Я выполнял свою работу, — забормотал он. — Я не знал, к чему это приведёт. Мне сказали, что это формальность, что девочка даже не узнает...

— Не узнает? — Лия голос прозвучал так тихо, что все замерли. — Вы продали ребёнка и думали, что ребёнок не узнает? Что я вырасту, буду жить своей жизнью и никогда не почувствую, что за мной стоит тень? Я чувствовала её каждый день. Каждый. С самого детства. Я просыпалась с ощущением, что чего-то не хватает, будто кто-то забрал у меня часть жизни, и я не могла вспомнить, какую. А вы жили рядом, улыбались, наливали мне чай и делали вид, что всё нормально.

Она замолчала, и в этой тишине что-то треснуло — не в зале, а внутри. Будто последняя стена, за которой она прятала боль все эти годы, дала трещину.

Мужчина в доспехах стоял неподвижно, наблюдая. Он не вмешивался, не защищал, не помогал — он дал ей пройти этот бой самой. И в этом было больше уважения, чем в любой защите.

Дядя наконец заговорил, и в его голосе исчезла маска. Осталась только голая злоба.

— Ты думаешь, ты теперь сильная? Ты думаешь, этот демон тебя защитит? Он использует тебя и выбросит, как только договор будет исполнен до конца. А ты... ты останешься ни с чем. Как твоя мать.

Лия не дрогнула.

— Не смей, — произнесла она, и каждое слово падало, как камень. — Не смей говорить о ней. Ты не заслужил даже произносить её имя.

— А что ты сделаешь? — дядя усмехнулся, и в этой усмешке проступило настоящее лицо, которое он годами прятал за маской заботливого родственника. — Ты — девочка, которая пряталась в библиотеке. Ты ничего не можешь.

— Я могу начать с того, что расскажу всем, как умерла моя мать, — сказала Лия. — Не ту версию, которую вы придумали. А настоящую. С датами, именами и этим договором. И с твоей подписью, дядя. С твоей.

Повисла тишина. Тётя закрыла лицо руками. Нотариус прижался к стене, ища путь к отступлению. А дядя... дядя впервые выглядел так, будто потерял почву под ногами.

— Ты не посмеешь, — прошептал он.

— Посмею, — ответила Лия. — Потому что, в отличие от вас, мне нечего терять. Вы уже забрали у меня всё — когда я была слишком маленькой, чтобы сопротивляться. Теперь я выросла. И теперь мои условия.

Она повернулась к мужчине в доспехах.

— Ты сказал, что договор — это связь и она работает в обе стороны. Значит, если одна сторона нарушила условия до того, как договор был исполнен, связь можно оспорить. Так?

Он медленно кивнул, и в его глазах мелькнуло что-то, похожее на удивление, смешанное с восхищением.

— Ты быстро учишься.

— Я всегда быстро училась, — ответила она. — Просто раньше у меня не было достаточно данных.

Она снова повернулась к дяде.

— Вот мои условия. Вы публично признаёте, что заключили этот договор обманом, скрыв смерть моей матери и её волю. Вы возвращаете всё, что забрали из её дома. И вы больше никогда не приближаетесь ко мне. Ни к кому, кто связан со мной. Если откажетесь...

— Если откажемся? — дядя сжал кулаки.

— Если откажетесь, я потребую исполнения договора в полной мере, — Лия посмотрела на него без жалости. — По их законам. А по их законам, тот, кто обманул при заключении сделки, платит не имуществом. Он платит собой.

Линия договора между Лией и мужчиной в доспехах вспыхнула так ярко, что тени метнулись по стенам, будто живые. Дядя отшатнулся, и впервые в его глазах появился настоящий, неподдельный страх.

Тётя всхлипнула.

— Лия, пожалуйста... мы же семья...

— Семья не предаёт, — ответила она. — Семья не продаёт. Семья не лжёт годами, глядя в глаза. Вы были моими родственниками по крови. Но семьёй вы никогда не были.

Дядя стоял молча, сжав челюсти. Нотариус тихо выскользнул из зала, но у двери столкнулся с двумя стражниками в чёрных плащах, которые молча преградили ему путь.

— Думаю, он тоже никуда не уйдёт, — спокойно произнёс мужчина в доспехах. — Как участник сделки, он несёт такую же ответственность.

Лия посмотрела на дядю в последний раз. В его взгляде не было раскаяния — только злость и страх. И она вдруг поняла: он никогда не любил её. Ни на один день. Она была для него ресурсом, вложением, активом. И сейчас, когда актив вышел изпод контроля, он не знал, что делать.

— Уходи, — сказала она тихо. — Уходи, пока можешь. Я не повторю дважды.

Дядя открыл рот, но не нашёл слов. Он развернулся и пошёл к выходу, и каждый его шаг гулко отдавался в пустом зале. Тётя семенила за ним, оглядываясь, будто боясь, что её остановят. Но никто не остановил.

Только нотариус остался стоять у стены, прижавшись к холодному камню, и в его глазах читалось осознание: его очередь отвечать ещё не пришла, но она придёт.

Когда дверь захлопнулась, Лия почувствовала, как ноги стали ватными. Вся злость, вся сталь, которую она держала в себе, вдруг разом ушла, и осталось только опустошение. Она пошатнулась, но не упала — кто-то подхватил её, уверенно и осторожно, будто держал что-то хрупкое и ценное.

— Ты справилась, — тихо сказал мужчина в доспехах, и в его голосе не было ни снисхождения, ни торжества. Только признание.

— Я не справилась, — прошептала Лия, и голос её дрогнул впервые за весь этот разговор. — Я просто... сказала правду. И это было страшнее всего.

Он не отпустил её. И она не отстранилась.

— Правда всегда страшнее лжи, — ответил он. — Но именно она разрушает стены.

Линия договора между ними мерцала ровно, спокойно, будто наконец-то обрела равновесие.

Лия закрыла глаза и позволила себе один — только один — вздох. А потом выпрямилась, посмотрела в лицо мужчине, и в её взгляде снова горел тот же огонь, что и в начале.

— Это ещё не всё, — сказала она. — Договор исполнен. Но не закончен. И теперь я хочу знать всё. Каждую строчку. Каждую деталь. Без исключений.

Он кивнул.

— Тогда садись. Это будет долгая ночь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.